

потомства и от сына. Через многие годы все присутствовавшие на проводах, как-то собрались вместе, вспомнили этот случай и истолковали предсказание Костика так: повернулся юродивый спиной к Ивану Максимовичу, чтобы сказать, что он не вернется с войны, а крови на ногах после хождения по стеклу не было, потому что Босынький хотел сказать, что крови-потомства у Ивана не будет.

Мама Ирины Третьяковой, Елена Платоновна, и отец, Николай Герасимович, оставили много рассказов о Костике. Один из них особенно интересен. Родители Ирины проживали в Глушково на улице Мирная, что возле ветлечебницы. Костик часто останавливался в их доме переночевать. Однажды, накануне оккупации района, Костик зашел в дом к Николаю Герасимовичу, и завел разговор о суконной фабрике. В это время уже шла эвакуация. Часть оборудования предприятия была затоплена в Сейме, другая отправилась в восточные районы страны. Костик в разговоре обронил фразу, которая оказалась пророческой, как считают глушковцы: «Скоро фабрикой будут править такие директора, как Воробьев, Грачев, Сычев». Елена и Николай, которые буквально восприняли фразу, стали возражать, мол, где это найдется столько людей с птичьими фамилиями, чтобы их назначили руководить фабрикой одного за другим. Прошло время, и весь период оккупации на опустевшей территории летали тучи воробьев, днем орали грачи, а по ночам ухали сычи. Только после этого Елена Платоновна и Николай Герасимович поняли, что пророчествовал Костик своим образным выражением.

После освобождения Глушковского района фабрику восстановили, когда-то самая крупная в мире суконная мануфактура работала весь советский период, но после 1991 года становилась навсегда. Стоят только остовы кирпичных корпусов, построенных еще кланом Терещенко, чирикают там воробьи, подают голос грачи и по ночам перекликаются сычи.